

С.Ю. Бородай
(Институт философии РАН)

**ЯЗЫК, КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
И ВОПЛОЩЕННОЕ ПОЗНАНИЕ
(на материале образных схем)¹**

В статье представлена одна из четырех исследовательских программ Центра философии сознания и когнитивных наук ИФ РАН, которая ориентирована на изучение когнитивных процессов на основе языкового материала и во взаимодействии с другими науками о познании. Программа подготовлена на стыке современной когнитивной лингвистики, когнитивной антропологии и теории воплощенного познания (*embodied cognition*), и она предполагает анализ нескольких «уровней» когнитивности: доконцептуального опыта, перцепции и моторики, мышления и философского творчества. После краткого изложения программы подробно рассматривается один из примеров ее реализации – междисциплинарный подход к проблеме преноэтической схематизации («образных схем»). Привлекаются материалы дескриптивной семантики, лексической и грамматической типологии, теории концептуальной метафоры, теории грамматикализации и др. Эта лингвистическая часть дополняется материалами психологии развития, кинесики и нейрофизиологии. В результате демонстрируется, во-первых, практическое взаимодействие разных наук о познании для изучения одной из областей когнитивности; во-вторых, реальная сложность такого взаимодействия; в-третьих, релевантность такого взаимодействия для более глубокого понимания философских проблем и нашей собственной фактичности.

Проблеме языка традиционно уделялось много внимания в теории познания, но о *систематических* и *профессиональных* опытах осмысления материалов лингвистики с философских и психологических

¹ Первая публикация (в сокращенном виде): Бородай С.Ю. Язык, концептуализация и воплощенное познание // Человек. 2022. 33 (2). С. 47–64.

позиций можно говорить лишь со второй половины XIX в., а о зарождении особой дисциплины на стыке лингвистики и психологии – с 1920–1930-х гг., когда в США Э. Сепиром и Б. Уорфом был предложен сам термин «психолингвистика», в Германии получило развитие неогумбольдтианство, а в СССР была разработана культурно-историческая теория. Значимость языка для понимания когнитивных процессов также отмечалась в рамках генеративной теории Н. Хомского, которая явилась одним из столпов классической когнитивной науки. Эта теория предполагала лингвистический формализм, синтактикоцентризм, вычислительный (алгоритмический) подход, нативизм, универсализм, десемантизацию языка и ментализм. Хомский утверждал, что язык является *способом доступа* к когнитивным процессам и что через лингвистику мы должны прийти к пониманию мышления как универсального феномена. Влияние его теории на раннюю когнитивную науку было огромным: фактически та вычислительная, нативистская и модулярная модель когнитивности, которая была выстроена в 1960–1970-е гг. и считалась мейнстримом вплоть до 1990-х гг., в значительной мере вдохновлена его подходом к языку и языковой способности.

Как теория Хомского, так и классический когнитивизм подверглись серьезной критике и пересмотру во второй половине 1980-х гг., что связано с выросшим из генеративной теории, но во многом вдохновленным психолингвистическим проектом Сепира и Уорфа особым направлением – *когнитивной лингвистикой* (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, Ж. Фоконы, И. Свитсер и др.). Ее базовые положения можно представить следующим образом: 1) критическое отношение к синтактикоцентризму, стремление построить теорию с опорой на семантику и прагматику; 2) неприятие денотационной трактовки природы значения; 3) рассмотрение языка в тесной связи с другими когнитивными системами, неприятие идеи об автономности и модулярности языка; 4) понимание лексического и грамматического значения как концептуализации, т.е. убежденность в том, что значение имеет понятийную (в широком смысле) природу.

Теоретики когнитивной лингвистики показали, что *всякое* значение (не только лексическое, но и грамматическое) является концептуализацией, т.е. предполагает вовлеченность *концептуальных* структур, так что метафора «формы» и «содержания» («формализованных вычислительных процедур» и «амодальных символов»), строго говоря, не применима к языку. Они также показали, что в конструировании значения большую роль играют образные средства: метафора, мето-

нимия, схемы, ментальные пространства, идеализированные модели и др. Укорененный в сенсомоторных операциях образный компонент *имманентен* значению, а не является всего лишь его факультативным дополнением; он касается не только «содержательной», но и «структурной» составляющей значения. Эти и другие открытия побудили когнитивных лингвистов к переосмыслению теории языка через призму семантики и узусных паттернов, что оказало огромное влияние на становление неклассической когнитивной науки, в особенности на неклассические варианты теории представления знаний.

В 1980–1990-е гг. также развивалось особое направление в когнитивной антропологии, связанное с психолингвистическим проектом Сепира и Уорфа – так называемый *неорелятивизм*. В результате многолетних полевых исследований и в сотрудничестве с «кабинетными» психолингвистами представители этого направления показали, что структура родного языка оказывает глубокое влияние на невербальные и вербальные формы познания, однако сам характер этого влияния лингво- и культуроспецифичен, и он не может быть установлен чисто спекулятивно, но требует многочисленных «точечных» исследований.

Предлагаемая вашему вниманию исследовательская программа подготовлена на стыке когнитивной лингвистики, когнитивной антропологии и теории воплощенного познания (*embodied cognition*), уходящей корнями в классическую феноменологию. В центре нашего внимания, во-первых, отражение когнитивных процессов в языковой структуре, а во-вторых, место языка в когнитивной архитектуре, аспектом которой является то, что принято именовать «сознанием» (стоит отметить, что аналитическая философия сознания до сих пор в основном игнорирует все вышеуказанные направления мысли, в том числе эмпирический материал лингвистики). Наша общая теоретическая позиция подробно изложена в монографии «Язык и познание: введение в пострелятивизм», где также обобщен и осмыслен немалый эмпирический материал по теме¹. Нам удалось показать, что (1) каждый язык предоставляет уникальный способ организации значений, (2) который релевантен для познания, поскольку (3) язык способен структурировать когнитивность в процессе онтогенеза и (4) он вовлечен в когнитивные процессы в режиме реального времени; результатом этого являются различия между носителями разных языков в (5) обработке и хранении информации, (6) отдельных когнитивных

¹ Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. М., 2020.

способностях, (7) содержании ментальной модели, (8) сенсомоторных реакциях и (9) нейронной активности. Тем не менее это еще не законченная теория, но лишь «дорожная карта» для целого семейства возможных теорий, которые были бы способны объяснить большинство когнитивных процессов и видов интеллектуальной деятельности (от самых примитивных до философии, логики и науки), учитывая центральное место естественного языка в человеческом познании.

Наша исследовательская программа предполагает анализ нескольких «уровней» когнитивности (доконцептуальный опыт, перцепция и моторика, мышление, философское творчество) в перспективе когнитивной семантики и во взаимодействии с другими науками о познании. Она уже была представлена в развернутом виде в другой публикации¹. Поэтому ниже мы дадим ее лишь в общем виде, а эту статью посвятим демонстрации того, как она могла бы быть реализована на практике, используя пример из сферы доконцептуального опыта – так называемую преноэтическую схематизацию.

Основные направления исследований

1. В области доконцептуального опыта:

1.1. Изучение зависимости образных схем (преноэтической схематизации) от структуры конкретного языка.

1.2. Переформулирование концепции образных схем в свете типологии языков.

1.3. Изучение характера образных схем у носителей неевропейских языков и культур.

1.4. Развитие интегральной теории доконцептуального опыта, которая бы объединяла в себе универсальное и относительное.

1.5. Детальное и разностороннее изучение того, как лексические, морфосинтаксические и дискурсивные особенности конкретных языков связаны с трансформацией когнитивности в процессе онтогенеза.

2. Проблема взаимодействия паттернов языка и когнитивных систем:

2.1. Расширение и углубление уже имеющегося материала, касающегося влияния паттернов языка на долговременную па-

¹ См. нашу статью «Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа» (опубликована в данном сборнике).

мать, воображение, зрительное восприятие, слуховое восприятие, моторную систему, жестовую систему, репрезентацию пространства и другие когнитивные операции.

2.2. Анализ вовлеченности языка в когнитивность в связи с конкретными процессами на примере языков, для которых характерны принципиально иные, «неиндоевропейские» способы конвенционального построения речи: полисинтетические и инкорпорирующие языки, языки с частотными безличными конструкциями, языки с неноминативной стратегией кодирования глагольных актантов; языки с экзотическими системами частей речи и др.

2.3. Изучение когнитивного статуса редких или экзотичных грамматических категорий: разветвленных систем эвиденциальности, подробно градуированных моделей абсолютного времени, феномена субстантивного времени, сложных дейктических и классификационных систем и т. д.

3. Проблема взаимодействия языка и мыслительного процесса:

3.1. Всестороннее изучение механизмов конструирования ментальной модели в сознании носителей экзотических языков, т. е. вопроса о том, как конкретный язык руководит герменевтическими операциями и как это отражается на ментальной модели.

3.2. Изучение воздействия языковых метафор на мыслительный процесс в свете типологии языков.

3.3. Анализ отечественных теорий внутренней речи и интеграция полученных в советское время результатов в более широкий философский и когнитологический контекст.

3.4. Развитие идеи лингвоспецифичности внутренней речи и ее функций на конкретных материалах.

3.5. Поиск механизмов мышления на основе анализа языковых универсалий, тенденций в организации морфосинтаксиса и семантики, путей грамматикализации и лексикализации, направленности семантических переходов и др.

3.6. Изучение зависимости базовых механизмов мышления (категоризации, счета, логического вывода и др.) от структуры конкретного языка.

3.7. Разработка интегральной теории мышления в свете полученных данных.

3.8. Пересмотр теоретических допущений когнитивизма и посткогнитивизма (или их более глубокое продумывание) в свете философских течений, подчеркивающих телесность и ситуатив-

ность познания, в частности феноменологического направления (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Ш. Галлахер, Д. Захави и др.).

4. Проблема взаимосвязи паттернов языка и процесса философствования:

4.1. Анализ укорененности философской лексики в естественном языке и этапов ее специализации, притом с акцентом на «пограничных» случаях, когда слово еще не превратилось в чисто технический термин.

4.2. Реконструкция имплицитной метафизики языка и рассмотрение философского творчества через ее призму.

4.3. Подробный анализ грамматического языкового фундамента, на котором базируются масштабные метафизические и онтологические системы; выявление факторов, от которых в каждом конкретном случае зависит философствование.

4.4. Изучение связи структуры языка и философствования в контексте незападных традиций мысли.

4.5. Критический анализ истории западной логики через призму лингвистической типологии.

Область исследования: преноэтическая схематизация

Для иллюстрации того, как наша программа могла бы реализовываться на практике, мы взяли в качестве примера проблему преноэтической схематизации, или так называемых образных схем (см. выше п. 1.1–1.3). Идея *схемы* как чего-то отличного, с одной стороны, от понятия, а с другой – от чувственности имеет долгую историю, восходящую в новоевропейскую эпоху к философии И. Канта. Среди непосредственных предшественников современной теории можно выделить Б. Уорфа, Ж. Пиаже, М. Мерло-Понти и У. Найссера. Систематический анализ образных схем впервые был дан в 1980-е гг. в работах когнитивных лингвистов, а теоретическое обобщение этот эмпирический материал получил в монографии М. Джонсона «Тело в разуме»¹ и классическом исследовании Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи»².

¹ Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, 1987.

² Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Образная схема – это преноэтический сенсомоторный паттерн, который формируется в процессе онтогенеза, составляет значительную часть доконцептуального когнитивного багажа и служит основой для развития абстрактного мышления и многих абстрактных концептов. В когнитивном плане схема находится как бы между понятием и чувственностью: она недостаточно абстрактна, чтобы ее можно было охарактеризовать как полноценное понятие, и в то же время она более абстрактна, чем конкретный чувственный опыт, который может быть структурирован и описан в соответствии с ее принципами. Атрибут «образный» по отношению к схеме призван подчеркнуть ее тесную связь с перцепцией, притом не только с визуальным компонентом, но и с образностью в широком смысле (зрительной, слуховой, моторной и т.д.). Преноэтичность схемы означает ее онтогенетическую первичность в сравнении с концептуальным мышлением и возможность ее актуализации на разных уровнях сознания в режиме реального времени; иными словами, она является не столько оставленной в прошлом доконцептуальной основой, сколько перманентно активной когнитивной структурой, которая при определенных обстоятельствах может быть выведена с периферии внимания в его фокус. Другими важными свойствами схемы являются наличие имманентной логики и мультимодальность.

Начиная с 1990-х гг. можно наблюдать целый бум исследований в области преноэтической схематизации, что вызвано пониманием ключевой значимости этой проблемы для когнитивной лингвистики, которая ориентирована на идею воплощенного познания. Здесь нет возможности перечислять многочисленные языковедческие и философские исследования по теме – отошлем читателя к обзорной статье Т. Окли¹. Однако важно отметить, что происходило не только наполнение теории эмпирическим материалом, но и развитие, расширение и детализация самой теории. О ранних попытках осмысления можно судить по обобщающей работе под редакцией Б. Хампе и Дж. Грэди «От восприятия к значению»², а наиболее свежим примером является монография М. Хедблом «Образные схемы и изобретение концептов»³.

¹ Oakley T. Image Schemas // Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.) The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford, 2007. P. 214–235.

² Hampe B., Grady J. (eds.) From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin, 2005.

³ Hedblom M. Image Schemas and Concept Invention. Cognitive, Logical, and Linguistic Investigations. Luxembourg, 2020.

Образные схемы в когнитивной лингвистике

Наилучший способ объяснить, что такое образная схема, – это *показать*, как она функционирует. Представим следующую ситуацию. Вы просыпаетесь утром, чувствуете сонливость и были бы рады вновь впасть в забытие, из которого только что *вышли*. Но вы *вылезаете* из-под одеяла, поднимаетесь на ноги, открываете шкаф и *вынимаете* оттуда одежду. Вы *влезаете* в свои штаны и, будучи в полусонном состоянии, сначала идете в ванную, а затем – на кухню. На кухне вы поудобнее усаживаетесь в кресло и открываете газету, в которой с удивлением для себя обнаруживаете опечатку: в заглавном предложении пропущена запятая! Это *вводит* вас в ступор, но вы быстро приходите в себя. В этот момент вы ощущаете разочарование. Но вы *выходите* во двор и в поле вашего зрения оказывается природа. Вы слышите пение птиц – в их окружении вы испытываете радость, это вызывает в вас изумление. Вы *вслушиваетесь* в пение и замечаете, как один звук проникает в другой и все вместе они образуют гармоничный ряд. Вы погружаетесь в состояние безмятежности, теперь вы чувствуете себя в гармонии с природой.

В этом описании мы намеренно выделили те морфемы, которые кодируют образную схему ВМЕСТИЛИЩЕ. Тот факт, что предлог *в* и связанные с ним формы используются в столь разных конструкциях и для описания столь различных ситуаций, можно оценивать по-разному. Можно сказать, что 1) все это случаи омонимии, т.е. на синхронном уровне указанные значения и конструкции между собой просто никак не связаны; 2) это случаи радикальной полисемии, т.е. мы имеем дело с синхронно связанными (в когнитивном плане) вариантами базового значения; 3) это случаи умеренной полисемии, т.е. мы сталкиваемся с диахронически фундированным расширением базового схематического значения на другие области, при этом часть расширений обладает синхронной когнитивной релевантностью.

Как представляется из общелингвистических, типологических, поведенческих и нейробиологических соображений, верным является третий вариант. В данном случае мы имеем дело с расширениями базовой схемы ВМЕСТИЛИЩЕ, которая состоит из таких элементов, как ВНУТРЕННЕЕ, ГРАНИЦА и ВНЕШНЕЕ, и предполагает, что объект может находиться либо внутри реального или воображаемого вместилища, либо вне его. Все расширения этой схемы произошли на каком-то этапе развития языка, и все они являются *мотивированными*, т.е. можно показать, что они обусловлены универсальными (пре-

имущественно телесными) или партикулярными (преимущественно социокультурными) особенностями когнитивности и у них имеются многочисленные параллели в других языках; иначе говоря, вопреки тезису о радикальной омонимии, они когнитивно значимы и не случайны. Расширения могут касаться как буквальных, так и метафорических значений. В приведенном выше примере задействуются метафоры ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, ПОЛЕ ДИСКУРСА – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, МУЗЫКА – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ПОЛЕ ЗРЕНИЯ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ и СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ. Указанные метафоры также обусловлены особенностями когниции, и многие из них находят параллели в других культурах, порой самых экзотичных (об этом см. ниже). Что касается *когнитивного статуса* рассматриваемых расширений, то их синхронная психологическая связь с базовой схемой подтверждается поведенческими и нейрофизиологическими экспериментами¹, хотя в некоторых примерах мы сталкиваемся с мертвыми метафорами и пограничными случаями, что говорит о неадекватности тезиса о радикальной полисемии.

Основной вклад в развитие теории образных схем был внесен когнитивными лингвистами. В 1980-е гг. ими был проведен детальный анализ индоевропейских и некоторых америндских языков, который позволил выявить определенные регулярности в языковой схематизации пространства (в основном анализировались превербы, послелогии и пространственные наречия, такие как *в, из, через, вдоль, над, под, впереди, сзади* и т.д.). Те явления, которые, как считалось, претендуют на универсальность, были поняты в качестве доконцептуальных тенденций схематизации, которые, предположительно, имеют сенсомоторную основу и не зависят от конкретного языка и конкретной культуры. Одна из попыток интегрировать этот богатый материал в общую теорию познания была сделана Дж. Лакоффом в 1987 г.² Анализируя в заключительной части своей монографии область функционирования английского предлога *over* и связанных с ним морфем, Лакофф показывает, что семантическая категория, охватываемая этими формами, организована радиально: в ее основе лежит прототипическая схема, с которой по принципу семейного сходства связаны другие базовые схемы, при этом у большинства схем имеются различные варианты реализации.

¹ Этой темой занимается симуляционная семантика, см.: Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 458–509.

² Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. С. 536–592.

Так, функциональное единство *over* в следующих высказываниях вовсе не очевидно:

- (1) The bird flew *over* the yard «Птица пролетела *над* двором»;
- (2) Sam lives *over* the hill «Сэм живет *за* холмом»;
- (3) The power line stretches *over* the yard «Линия электропередач протянулась *над* двором»;
- (4) I walked all *over* the hill «Я *исходил* весь холм»;
- (5) Don't *overextend* yourself «Не *перенапрягайся*»;
- (6) She has a strange power *over* me «Она имеет *надо* мной странную власть».

Вне зависимости от того, объясняем ли мы эти использования *over* омонимией или полисемией (из общих соображений представляется, что наиболее адекватен вариант умеренной полисемии), необходимо понять, почему такие семантические расширения в принципе возможны и почему во многих других языках мы обнаружим если не полные эквиваленты указанной категории, то по крайней мере аналогии отдельных смысловых связей.

Лакофф показывает, что прототипическая схема OVER включает траектор (объект, имеющий траекторию), находящийся *над* ориентиром, и движение траектора по пути *через* ориентир, т.е. она сочетает в себе значения *above* «над» и *across* «через» (ближайшим русским аналогом будет *поверх*); типичный пример – *the plane flew over* «самолет пролетел [*над* чем-либо]». С привлечением этой прототипической схемы легко объясняются высказывания (1) и (2): первое репрезентирует базовую схему со спецификацией ориентира, а второе – базовую схему со смещенным фокусом на конечном положении ориентира. От этой прототипической схемы производны другие базовые схемы *over*: например, высказывание (3) является вариантом схемы, которая не предполагает реального движения траектора (ее обязательные характеристики – расположение траектора *над* ориентиром и отсутствие контакта), но допускает то, что в когнитивной лингвистике называется «фиктивным движением», при этом траектор в данном случае является одномерным; высказывание (4) является сложным вариантом схемы, которая во многом сходна с предыдущей (расположение *над*), но отличается нейтральностью в отношении контакта между траектором и ориентиром, притом путь траектора в данном случае реализован множеством точек, которые как бы «покрывают» ориентир (т. е. «исходить холм» = «покрыть холм фиктивным путем, сложенным из множества точек – положений идущего»); высказывание (5) является вариантом схемы «избытка», которая устроена как преодоление траектором некоего ориентира (например,

выход реки из берегов), но в данном случае она соединена с метафорой ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭНЕРГИИ, так что «перенапряжение» означает «перетекание» усилий через нормативный уровень; высказывание (6) тоже является метафорическим, поскольку в нем задействуется метафора КОНТРОЛЬ – ЭТО ВЕРХ, ОТСУТСТВИЕ КОНТРОЛЯ – ЭТО НИЗ, а возможность такого использования в данном случае обеспечена уже упоминавшейся схемой, в которой траектор находится *над* ориентиром и не соприкасается с ним (ср. естественность оборота «иметь власть *над* кем-то» и почти непредставимость оборотов вроде «иметь власть *под* кем-то» или «иметь власть *слева* от кого-то» в качестве идентичных по смыслу).

Мы бегло рассмотрели лишь некоторые примеры – за более подробным и развернутым анализом отсылаем к работе Лакоффа. Из этих примеров видно, что вариации схем зависят от ряда параметров: расположение траектора по отношению к ориентиру, характер пути траектора, реальность или фиктивность пути, наличие или отсутствие соприкосновения, мерность траектора и ориентира, горизонтальная или вертикальная протяженность ориентира и т.д. Выведение базовых схем из прототипической схемы возможно за счет спецификации параметров и оценки самих параметров как релевантных или иррелевантных. Варьирование базовых схем обеспечивается спецификацией параметров и добавлением метафорических отображений. По сути, из исследования Лакоффа можно заключить, что 1) лежащие в основе семантики *over* схемы являются достаточно абстрактными и гибкими; 2) мы имеем дело с полисемией, которая объясняется мотивированным расширением прототипической схемы; 3) все вышеуказанные схемы находятся в активированном статусе, т.е. «живы» в сознании носителя языка, о чем свидетельствует допустимость/недопустимость новых высказываний с использованием конвенциональных/неконвенциональных схем; 4) образно-схематические трансформации, обеспечивающие переход от одного варианта схемы к другому, обладают когнитивной реальностью и являются естественными, т.е. объясняются устройством нашей когнитивной системы и характером нашего опыта; 5) лексика языка – это не просто набор языковых выражений и случайно ассоциированных с ними значений, но *связи* самих значений и многочисленные имплицитные мотивации, перманентно фундирующие эти связи¹.

¹ Развитие последнего тезиса см. в нашей статье «Преодолевая словоцентризм: на пути к новым основаниям философии языка» (опубликована в данном сборнике).

На примере английского предлога *over* и близких к нему форм мы видим, что даже в случае ограниченного набора взаимосвязанных морфем говорить о *единой* схеме можно лишь условно – фактически мы сталкиваемся с категориально устроенной группой схем, имеющих прототип и обладающих порождающей способностью. Обширный материал когнитивной лингвистики (как опубликованный до работ Лакоффа и Джонсона, так и вышедший уже в рамках тематики «схем») свидетельствует о том, что сходным образом устроены и другие полисемичные морфемы. Чаще всего в центре внимания исследователей оказываются следующие схемы: ВМЕСТИЛИЩЕ («Иван вошел в комнату», «Он погрузился в сон»), ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ («Иван поехал из магазина домой», «Он был христианином, но свернул с истинного пути»), ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ («Рука – член тела», «Человек – член общества»), СВЯЗЬ («Утюг включен в розетку», «Иван наладил отношения с тещей»), ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ («Он переехал из центра города на окраину», «Ядром когнитивной семантики является концепция образных схем»), ВЕРХ-НИЗ («Иван жил на этаж выше нее», «Иван имел власть над ней»), ВПЕРЕДИ-СЗАДИ («Иван не успевал за отрядом», «Все плохое – позади») и др. Уже в ранний период в литературе предлагались различные наборы и классификации схем, и до сих пор отсутствует единый общепризнанный набор, что, вероятно, объясняется разнообразием подходов к эмпирическому материалу. Несмотря на это, существует что-то вроде «ядерного набора», в который включены 15–20 схем и который в том или ином виде признается подавляющим большинством исследователей.

Попытки построения типологии

Как упоминалось выше, языковой материал, посвященный образным схемам, уже в 1980-е гг. был огромен и охватывал десятки языков. Впоследствии он лишь расширялся, поэтому особой ценностью обладают работы, в которых представлена попытка построения типологии на основе этого материала. Наиболее удачным примером здесь являются новаторские исследования Леонарда Талми, которые публиковались с конца 1970-х гг. и приобрели законченный вид в 2000 г. в виде монографии «На пути к когнитивной семантике»¹. Сильная сторона проведенного Талми анализа состоит в том, что он не ограничивается

¹ Talmy L. Toward a Cognitive Semantics: Vol. I: Concept Structuring System. Cambridge, 2000.

индоевропейскими языками, но включает также подробный разбор ряда америндских языков, в особенности юто-ацтекского языка ацугеви, специалистом по которому является американский исследователь.

Для подхода Талми первостепенную важность имеет разделение всех форм языка на две подсистемы: подсистему открытых классов и подсистему закрытых классов. К первой подсистеме относится основная лексика: эта подсистема открыта для новых членов, и она отвечает за содержательную составляющую той ментальной модели, которую в процессе коммуникации конструирует в своем сознании носитель определенного языка. Ко второй подсистеме относятся формы с грамматическими функциями и значениями: эта подсистема является относительно замкнутой (по крайней мере, в небольшой исторической перспективе), и она отвечает за структурную составляющую ментальной модели. В своем анализе Талми сосредоточен на второй подсистеме, т.е. он рассматривает те семантические возможности, которые в принципе характерны для форм с грамматической функцией.

На широком типологическом материале Талми показывает, что семантические возможности грамматической подсистемы для концептуализации пространства ограничены и могут быть подвергнуты категоризации. Вся система пространственных значений в естественном языке состоит из трех уровней. На *компонентном уровне* представлены базовые элементы, из которых строится всякая пространственная сцена, и многочисленные дистинкции, которые объединены в группы и различаются по степени частотности. На *композиционном уровне* эти элементы и дистинкции объединяются в конкретные схемы данного языка, притом в каждом языке имеется ограниченный набор схем, который шире, чем грамматическая лексика, поскольку последняя часто бывает многозначной, т.е. способной к выражению нескольких схем. На *аугментивном уровне* каждая конкретная схема может подвергаться расширению или деформации для описания новых, неконвенциональных ситуаций. В этой общей системе пространственной схематизации универсальным характером обладают только базовые элементы и дистинкции, представленные на компонентном уровне. Схемы конкретного языка, формирующиеся на композиционном уровне, сами по себе не универсальны, хотя в их формировании можно выявить ряд важных тенденций. Этот лингвоспецифичный набор схем уникальным образом кодируется каждым языком, что связано с особой дистрибуцией грамматических элементов, и по-своему расширяется на аугментивном уровне, что в целом приводит к формированию лингвоспецифичного *пространственного воображения*.

Для нашей темы главный интерес представляет компонентный уровень, поскольку именно на нем располагаются (предположительно) универсальные элементы и дистинкции. Талми делит все категории этого уровня на четыре группы: 1) сегментирующие ситуацию на отдельные компоненты; 2) характеристики отдельных компонентов; 3) выражающие отношение одного компонента к другому; 4) негеометрические значения, обнаруживаемые в связи с пространственными схемами. Эти группы делятся на многочисленные подгруппы. Возьмем для иллюстрации уже упоминавшуюся схему английской морфемы *over*. Прототипическая композиционная схема состоит из двух элементов: фигуры, или траектора (имеющего свой путь), и ориентира; фигура находится *над* ориентиром, а ее путь пролегает *через* границы ориентира, т.е. морфема *over* выражает значение «над-через» («поверх»). Для указанной схемы релевантно наличие фигуры, ориентира и земли как объекта вторичной референции, без которого значение «над» не имело бы смысла (все это – элементы первой группы компонентного уровня). Для некоторых модификаций этой схемы могут быть релевантны и другие параметры: наличие или отсутствие соприкосновения фигуры и ориентира, пространственная мерность ориентира, форма ориентира, наличие или отсутствие реального движения, направленность движения и даже характер траектории (все это – элементы второй и третьей групп компонентного уровня). Однако трудно себе представить такую модификацию схемы *OVER*, для которой было бы релевантно наличие или отсутствие силовых линий (этот элемент входит в четвертую, «негеометрическую», группу компонентного уровня). Но именно этот параметр значим, например, для схем, выражаемых нидерландскими предлогами *ob* и *an*: оба используются, когда фигура находится *на* ориентире, но первый – в том случае, если она поддерживается удобным и уместным образом, а второй – когда она располагается вопреки гравитации. Примечательно, что *ob* употребляется применительно к плоти живого человека (как к тому, что естественным образом «сидит» *на* скелете), а *an* – применительно к плоти мертвого человека (как к тому, что поддерживается костями неестественно и поскорее должно быть предано земле).

Пространственные схемы могут задействовать как несколько элементов компонентного уровня, так и большое их число – например, английский предлог *past* «мимо» (как во фразе *The ball sailed past my head at exactly 3 p. m.* «Мяч пролетел мимо моей головы ровно в 15:00») задействует почти все известные базовые параметры. Основное достижение Талми состоит в том, что он показал, как из базовых уни-

версальных компонентов конструируются специфические схемы отдельных языков и какие существуют принципы их конструирования. Ему удалось сделать важные открытия в плане состава, ограниченности и градуированности базового инвентаря пространственных значений и тенденций их организации; эти открытия на данный момент лучше всего объясняются именно с помощью концепции языковой схематизации пространства. При этом важно еще раз подчеркнуть, что, согласно предложенной модели, универсальностью обладают не конкретные схемы (такие, как англ. OVER или русск. НАД), а базовые элементы и принципы их сочетания.

В качестве дополнения к модели Талми может рассматриваться типология пространственной схематизации, которая развита членами Исследовательской группы по когнитивной антропологии из Неймегена во главе со Стивеном Левинсоном¹. Эта модель касается лишь тех ситуаций, когда локализация фигуры по отношению к ориентиру происходит в горизонтальной плоскости, притом фигура и ориентир не соприкасаются друг с другом. В этой типологии тоже существует то, что можно назвать компонентным уровнем. К нему относятся базовые элементы, из которых состоят схемы: фигура, ориентир, точка наблюдения, оси координат, начало системы и ряд менее значимых элементов; примечательно, что здесь не учитываются некоторые важные параметры, которые учтены в типологии Талми (мерность ориентира, объекты вторичной референции и др.). Исходя из базовых параметров, можно выделить три типа пространственных схем, или «систем ориентации» (frame of reference), которые встречаются в языках мира: встроенную (имманентную), относительную (релятивную) и абсолютную.

- *Встроенная система* характеризуется совпадением ориентира и начала системы; точка наблюдения не имеет значения; в качестве ориентира выступает объект, имеющий имманентные характеристики («перед», «зад», «голова», «нос» и т. д.), и положение фигуры кодируется в связи с этими характеристиками. Так, когда мы говорим, что «Иван стоит *перед* домом» (т. е. рядом с лицевой стороной дома), то для нас не имеет значения положение Ивана по отношению к наблюдателю (говорящему), поскольку фасад – это имманентная характеристика дома. В некоторых языках (особенно в языках Мезоамерики) этот способ ориентации, при котором на неодушевленные

¹ Levinson S. Space in Language and Cognition. Cambridge, 2003.

объекты проецируются имманентные характеристики (обычно – части человеческого тела), является основным.

- *Относительная система* характеризуется важностью точки наблюдения, поскольку эта точка совпадает с началом системы координат; прототипически эта система является дейктической и эгоцентрической. Высказывание «Иван стоит *слева* от дома» имеет смысл лишь с учетом положения говорящего, поскольку оно фактически означает, что Иван стоит по левую руку от говорящего; при этом имманентные характеристики ориентира не имеют никакой значимости. Эта пространственная схема активно используется в индоевропейских языках.
- *Абсолютная система* характеризуется фиксированными осями координат, не зависящими ни от точки наблюдения, ни от имманентных свойств ориентира; направления внутри системы зафиксированы на основе ландшафта или абстрактной схемы (чаще всего генетически связанной с природными объектами); началом системы выступает ориентир. Для понимания высказывания «Иван стоит *к северу* от дома» не имеет значения положение наблюдателя и имманентные свойства дома, поскольку положение Ивана определяется на основе системы координат, привязанной к оси вращения Земли и ее полюсам. Эта пространственная схема активно используется в австралийских и океанийских языках.

Типология Левинсона и его коллег показала свою адекватность в психолингвистическом плане: в многочисленных экспериментах было продемонстрировано, что доминирующая в речи система ориентации влияет на репрезентацию пространства на когнитивном уровне, она также влияет на поведение и нейронную активность, и это является частным случаем того, что известно как «уорфианский эффект», или проявление принципа лингвистической относительности. Также неплохо изучено усвоение систем ориентации детьми и особенности их функционирования в жестовом языке¹.

Уместно поставить вопрос о том, как они соотносятся с типологией Талми. Мы уже отмечали, что схемы из типологии Левинсона ограничены двумя параметрами: они работают с горизонтальной пло-

¹ Обо всем этом см.: *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 225–296.

скостью и в ситуациях, когда фигура и ориентир не соприкасаются друг с другом. Это значит, что они являются частным случаем схем композиционного уровня. Эти схемы также допускают некоторые внутренние вариации и расширения, но не слишком существенные, т.е. они отчасти функционируют и на аугментивном уровне. Базовые элементы схем во многом пересекаются с элементами компонентного уровня из типологии Талми. Как мы видели, Талми признает универсальность этого уровня и допускает наличие устойчивых тенденций в организации композиционного уровня, однако подробно эту тему не развивает. Можно предположить, что типология систем ориентации отражает *семантические возможности пространственной схематизации* на композиционном уровне и в ограниченной области – на горизонтальной плоскости и при отсутствии соприкосновения фигуры и ориентира.

Представленный выше анализ позволяет утверждать, что большинство схем, выделенных когнитивными лингвистами в качестве универсалий, на самом деле являются частными случаями схематизаций, характерных для определенных языков. Это означает что наибольшей перспективностью обладает не столько поиск универсальных схем, сколько выявление универсальных *тенденций* в пространственной схематизации на композиционном уровне; иными словами, как и в ряде других областей лингвистической типологии, здесь мы имеем дело не с абсолютными универсалиями («во всех языках есть X»), а с *ограничениями на вариации*, которые обусловлены воплощенностью человеческого познания и лучше всего схватываются с помощью идеи «концептуального пространства» с выделяемыми в нем аттракторами¹. Дополнительный аргумент в пользу правильности такого подхода дает исследование Левинсона и его коллег², в котором на материале девяти языков из совершенно разных семей показано, что в кодировании топологических отношений отсутствуют универсальные схемы – даже кажущаяся всеобщей схема ВМЕСТИЛИЩЕ обладает признаками лингвоспецифичности. Правда, этот вывод не согласуется с набором «семантических примитивов», выделенных в теории А. Вежбицкой о естественном семантическом метаязыке. Вежбицкая полагает, что существуют универсальные протоконцеп-

¹ Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 451–453.

² Levinson S. et al. Natural Concepts in the Spatial Topological Domain – Adpositional Meaning in Crosslinguistic Perspective: An Exercise in Semantic Typology // Language. 79. 2003. P. 485–516.

ты, закодированные во всех языках мира (речь идет не о когнитивной семантике, а о том, что можно назвать денотативной семантикой). К таким концептам, в частности, относятся ВМЕСТИЛИЩЕ и ВЕРХ-НИЗ¹. Конечно, эта тема еще требует прояснения, но даже если допустить существование универсальных схем, то их число точно не будет слишком большим; универсальным характером обладают тенденции схематизации, а основная масса конкретных схем лингвоспецифична и культуроспецифична.

Образные схемы в других областях лингвистики

Образные схемы изучались не только в перспективе дескриптивной семантики и типологии. Эта тема затрагивалась также при исследовании тропов, в исторической семантике и теории грамматикализации. Сейчас нет возможности подробно останавливаться на этих направлениях и связанных с ними проблемах, поэтому мы просто проиллюстрируем на конкретном примере то, как они дополняют складывающуюся картину.

Возьмем в качестве примера схему ВЕРХ-НИЗ, а точнее ее компонент ВЕРХ и связанные с ним значения, такие как «над», «поверх», «сверху» и т.д. Вертикальное положение имеет первостепенную важность для нашего телесного и пространственного опыта, поэтому можно ожидать, что связанные с ним понятия будут обладать универсальным или почти универсальным характером. Не удивительно, что в предложенном Вежбицкой наборе семантических примитивов, который выделен на основе анализа сотен языков (разработанные статистические модели позволяют утверждать, что с большой долей вероятности он отражает универсальный набор), присутствуют концепты ВЕРХ и НИЗ. Конкретные пространственные схемы, такие как русск. НАД, ПОВЕРХ и англ. OVER, обладают довольно простой структурой: они включают фигуру, ориентир, их отношение (расположение фигуры над ориентиром), объект вторичной референции (землю) и при необходимости ряд частных параметров (наличие/отсутствие контакта, мерность и т.д.).

Теория концептуальной метафоры, разработанная Лакоффом и Джонсоном², утверждает, что многие абстрактные и высокоуровневые концепты, такие как «любовь», «путешествие», «объект», «число» и

¹ Goddard C., Wierzbicka A. Words and Meanings. Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. Oxford, 2014. P. 12.

² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

«уравнение», сформированы путем отображения структуры области источника на область цели, при этом область источника, как правило, более конкретна, телесна и чувственна, а область цели более абстрактна. Хотя метафорические отображения разнятся от языка к языку и от культуры к культуре, все же можно обнаружить универсальные тенденции, во-первых, в наборе конкретных структур области источника, а во-вторых, в характере связи этих структур с определенными высокоуровневыми концептами. Распространенные конкретные структуры суть образные схемы, а характер их отображения и связи с абстракциями объясняется особенностями телесного опыта. Как показано в исследованиях по типологии метафор, рассматриваемая нами схема ВЕРХ является одним из самых распространенных источников, а наиболее частотные метафоры, сформированные с ее использованием, суть КОНТРОЛЬ – ЭТО ВЕРХ («доминировать *над* кем-либо», «*вышестоящие* инстанции»), ХОРОШЕЕ – НАВЕРХУ («*высокое* чувство», «превосходный») и БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ («наши доходы *выросли*»). Конечно, типология метафорических отображений разработана еще не так подробно, как хотелось бы, но имеющиеся материалы из десятков не связанных друг с другом языков уже позволяют утверждать о наличии универсальных тенденций. Интересно, что, как демонстрируется в ряде поведенческих и нейрофизиологических исследований, активация абстрактных концептов, ассоциирующихся в данном языке и данной культуре с набором определенных метафор, приводит к имплицитной активации преноэтических схем, лежащих в основе этих метафор: так, например, испытуемые быстрее реагируют на слова, связанные с контролем и властью, когда они появляются в верхней части экрана, нежели когда они имеют другое расположение, что отражает метафору КОНТРОЛЬ – ЭТО ВЕРХ. Многочисленные эксперименты такого рода свидетельствуют о том, что метафорические отображения существуют в нашем сознании в качестве неявного *когнитивного фона*, обеспечивающего реализацию абстрактных концептов и перманентно окрашивающего их оттенками чувственности¹.

Анализ образных схем в рамках теории концептуальной метафоры может быть дополнен материалами *исторической семантики* и *теории грамматикализации*. В первом случае релевантны универсальные тенденции в семантических переходах (например, «высокое» как физическая характеристика => «высокое» как аксиологический кон-

¹ См.: Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 477–485.

цепт), которые объясняются универсальными свойствами коммуникации и воплощенного познания. Во втором случае рассматриваются устойчивые паттерны развития значений от неграмматичных и менее грамматичных к более грамматичным и демонстрируется, что существуют универсальные пути «превращения» лексических морфем в грамматические, а одним из механизмов такого превращения является метафора. Так, насколько можно судить по имеющимся материалам, схематическое значение ВЕРХ происходит от лексем со значениями «спина», «лицо», «голова», «плечо», «небо» и «вершина» (русск. *верх* восходит к индоевропейскому **urs-u-* «вершина, возвышенность»), т. е. в его основе лежит еще более конкретное чувственное представление. От схематического значения, в свою очередь, могут происходить такие грамматические элементы, как аддитив (маркер логического или числового сложения, ср. этимологию русских числительных типа «один-на-дцать», где последний элемент – это обозначение десяти), показатель отношения, или так называемый *concern marker* (выражает наличие соотнесенности с чем-то, отношения к чему-то, ср. русск. «задуматься *над* чем-то»), и компаратив (маркер сравнительных конструкций вроде русск. «он сильнее, *чем* они»). Все эти примеры можно истолковать как случаи метафорического расширения. Развитие ВЕРХ => аддитив объясняется распространенной метафорой БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ; варианты грамматикализации ВЕРХ => *concern marker* и ВЕРХ => компаратив являются частными случаями проекции пространственных схем на логическую сферу (показательно, что во многих полинезийских языках функции компаратива выполняют два разных глагола – со значением «идти вверх» и «идти вниз» соответственно: первый используется, когда сопоставляемый объект больше, лучше, сильнее, чем тот, с которым он сопоставляется, а второй – в обратной ситуации)¹. Подобных случаев грамматикализации и усиления степени грамматичности схематичных значений в языковедческой литературе описано немало, однако исследований, ориентированных на более широкую эпистемологическую проблематику, по-прежнему недостаточно.

Таким образом, проблема преноэтической схематизации находится на стыке разных направлений лингвистической науки: дескриптивной семантики, лексической и грамматической типологии, исторической семантики, этимологии, теории концептуальной метафоры

¹ Kuteva T. et al. *World Lexicon of Grammaticalization*. 2nd edition. Cambridge, P. 446–450.

и теории грамматикализации. В лингвистике по этой теме накоплен огромный материал, однако здесь все еще имеются пробелы, которые объясняются, прежде всего, англоцентризмом и недостаточным пониманием связи отдельных исследовательских направлений друг с другом и шире – с когнитивной наукой и теорией познания. Ниже мы как раз коснемся последней проблемы, а именно: как теория преноэтических схем может быть дополнена материалами психологии развития, кинесики и нейрофизиологии.

Психология развития

Понятие образной схемы занимает центральное место в авторитетной и подкрепленной солидным эмпирическим материалом теории когнитивного развития, разработанной американской исследовательницей Дж. Мандлер¹. Критикуя популярную схему Ж. Пиаже о трех стадиях развития интеллекта, Мандлер показывает, что уже на так называемой сенсомоторной стадии (0–2 года) имеет место активное использование высших когнитивных функций, связанных с концептуализацией. У младенцев классификация и схематизация объектов осуществляется преимущественно на перцептивном уровне, однако этих функций недостаточно, чтобы объяснить материалы экспериментов последних нескольких десятилетий. Необходимо допустить, что еще до усвоения языка младенцы обладают механизмом по перекодировке перцептивной информации в информацию концептуального типа (Мандлер называет ее «концептуальной репрезентацией», но, на наш взгляд, она может быть описана и без обращения к теории репрезентаций в ее классическом виде). Мандлер характеризует этот механизм как *анализ перцептивного значения* (*perceptual meaning analysis*), который тесно связан с вниманием и осведомленностью. Ввиду того что значительная часть перцептивной информации поступает параллельными потоками и обрабатывается бессознательно, вся она не может быть переведена в сознание без когнитивной перегрузки. Для работы с этой информацией необходимо перекодировать ее в более простую и доступную форму. Это осуществляется на основе внимания, которое ориентировано на то, что наиболее ценно для младенца. Анализ перцептивного значения – это базирующийся на внимании процесс

¹ Mandler J. The Foundations of Mind: Origins of Conceptual Thought. Oxford, 2004; Mandler J., Pagán Cánovas C. On defining Image Schemas // Language and Cognition. 6. 2014. P. 510–532.

переработки перцептивных отображений в редуцированную форму. В результате такого анализа информация не просто сводится к некоему перцептивному минимуму, но переводится в принципиально иной формат – формат *образных схем*.

Мандлер характеризует образно-схематический формат как концептуальный, и ее модель в целом является концептуально-ориентированной, однако, по-видимому, более верно говорить о *протоконцептах*, или, собственно, о *схемах*, иначе имеется опасность смешения образных схем и высокоуровневых абстракций. В теории Мандлер образные схемы – это динамические аналоговые репрезентации, которые содержат обобщенную информацию о пространственной расстановке и о движении в пространстве. Они не являются образами и вообще не имеют перцептивных свойств, в том числе визуальных. Передаваемая ими информация характеризуется как пространственная в том смысле, что это информация о пространстве, но сама она не имеет визуальных черт; в этом образные схемы похожи на топологические репрезентации. Важная идея Мандлер состоит в том, что при переводе в образно-схематический формат вся перцептивная информация «спатиализируется», т.е. представляется как информация о пространстве. Так, например, она полагает, что на перцептивном уровне мы способны *ощущать* протекание времени без прямого обращения к пространственному опыту, однако *думать* и *говорить* о времени мы можем только в пространственных терминах; аналогичным образом перекодировке подвергаются и телесные ощущения, такие как сила и желание. Наиболее же важным источником информации о пространстве, естественно, является зрение. Образные схемы как таковые недоступны интроспекции, однако мы можем судить о них из нашего опыта на основе концептов, которые они перманентно структурируют.

Возьмем в качестве примера область движения. Уже в первые месяцы жизни младенцы реагируют на различия между объектами, которые начали двигаться без помощи чего-либо (без предварительного контакта), и объектами, которые стали двигаться в результате прикосновения к ним, т.е. различается самостоятельное движение и каузированное движение. Также известно, что в ранний период младенцы чувствительны к характеру движения на пути (прямое, извилистое, предсказуемое, непредсказуемое и т. д.). Все это – простые перцептивные дистинкции, которые сами по себе еще не составляют какого-то протоконцепта. Судя по экспериментам, подобные дистинкции начинают перекодироваться в концептуальный формат примерно к 6-му

месяцу жизни. Постепенно складываются схемы ОДУШЕВЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ, НЕОДУШЕВЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ, САМОДВИЖЕНИЕ, КАУЗИРОВАННОЕ ДВИЖЕНИЕ, СВЯЗЬ и ПУТЬ. Они позволяют сформировать уже полноценные концепты «одушевленного объекта» и «неодушевленного объекта»: первый – это объект, который начинает движение сам, двигается нелинейно, иногда непредсказуемо и взаимодействует с другими объектами напрямую или издалека; в отличие от него, неодушевленный объект характеризуется каузированным движением, и он движется по прямому пути, не взаимодействуя с другими объектами на расстоянии. Информация о схемах должна быть представлена неперцептивно по очень простой причине: перцептивная (прежде всего визуальная) информация не выражает значение напрямую, но требует истолкования; так, перцептивная репрезентация пути будет содержать информацию о направлении, соотносительном расположении, скорости, характере движения и пр., а эта избыточная информация не позволит схеме успешно функционировать (ребенку всякий раз потребуется «схематизировать» саму схему).

Важное следствие из теории Мандлер состоит в том, что к началу усвоения языка ребенок уже обладает набором довербальных протоконцептов, которые, с одной стороны, обеспечивают это усвоение, а с другой – постепенно трансформируются под влиянием схем, интегрированных в усваиваемый язык. Что касается обеспечения усвоения языка, то Мандлер предлагает довольно много интересных гипотез о том, как с опорой на схемы, связанные с движением, усваиваются такие грамматические значения, как агенс, пациенс, прямой объект, прогрессив, локатив и др. Для нашей же темы более интересен вопрос о трансформации схем под влиянием усваиваемого языка. Эта проблема детально рассмотрена в исследованиях С. Чхве и ее коллег¹, которые уже несколько десятилетий изучают процесс усвоения корейскими и американскими детьми схем ВМЕСТИЛИЩЕ («яблоко в вазе»), ПОЛОЖЕНИЕ («яблоко на столе»), ТЕСНАЯ СВЯЗЬ («письмо в конверте»), СЛАБАЯ СВЯЗЬ («письмо в чемодане») и их перекрестных вариантов. Две последние схемы нерелевантны для английского языка, однако они важны для корейского языка, где в глагольной лексике между ними проводится четкое различие. Как было показано Чхве и ее коллегами, различия в представлении пространственных отноше-

¹ Choi S., Hatstrup K. Relative Contribution of Perception / Cognition and Language on Spatial Categorization // Cognitive Science. 36. 2012. P. 102–129. Также см.: Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 356–361.

ний влияют на когнитивное развитие детей и невербальное поведение взрослых. Еще до усвоения языка младенцы постепенно формируют схемы ВМЕСТИЛИЩЕ, ТЕСНАЯ СВЯЗЬ (для вместилища), СЛАБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ как наиболее значимые в перцептивном плане, но лишь с усвоением языка появляются схемы ТЕСНАЯ СВЯЗЬ (для всех типов) и ТЕСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, при этом в зависимости от языковой концептуализации одни дистинкции постепенно становятся когнитивно выделенными, а другие отходят на задний план (что зафиксировано в невербальных экспериментах).

Предложенная Мандлер модель, в центре которой находится теория образных схем, хорошо описывает имеющиеся экспериментальные данные о довербальных протоконцептах и их последующей переработке в процессе усвоения языка. Тем не менее еще требуется немало исследований, особенно среди носителей неевропейских языков и культур, чтобы более детально проследить сложный процесс когнитивного развития и роль в нем довербального фундамента и паттернов конкретного языка.

Кинесика

Интересный взгляд на образные схемы представлен в кинесике, где имеется два направления исследований по теме: направление, развиваемое А. Ченки, О. ле Гуэном и их коллегами идвигающееся в русле общего понимания образных схем в когнитивной лингвистике и когнитивной антропологии¹, и направление, развиваемое французской исследовательницей Ж. Кальбри, в котором жестикуляцию как таковую предлагается понимать как образно-схематическую форму, связывающую конкретное и абстрактное². Более актуальным нам представляется первое направление. О нем мы и скажем несколько слов.

В последнее время все чаще акцентируется внимание на том, что вербальный язык и сопровождающая его жестикуляция являются двумя относительно самостоятельными аспектами коммуникативной системы. Если вербальный язык может быть охарактеризован как преимущественно дискретное средство коммуникации, то жестикуляция

1 Cienki A. Image Schemas and Gesture // Hampe B., Grady J. (eds.) *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin, 2005. P. 421–442; Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 267–270.

² Calbris G. *Elements of Meaning in Gesture*. Amsterdam – Philadelphia, 2011.

в большей степени континуальна. Между образными схемами и жестами имеется ряд параллелей: во-первых, и те и другие являются континуальными (аналоговыми) по своей природе; во-вторых, они могут быть представлены как в статической, так и в динамической форме (так, схема ПУТЬ может пониматься и как статический путь, результат движения, потенциальная траектория, и как линейное движение объекта – сходным образом путь может быть изображен вытянутой рукой статично или в развернутой во времени динамической манере); в-третьих, руки используются для выражения концептов в богатой иконической манере – гораздо более богатой, чем это можно сделать вербальными средствами, а значит, они хорошо подходят для реализации широких образно-схематических возможностей.

Следуя немецкой психолингвистической традиции, А. Ченки предлагает классифицировать жесты по следующим типам: репрезентативные (например, изображение формы картинной рамки), экспрессивные (например, выражение восторга с помощью аплодисментов) и обращенные к адресату (например, религиозный жест, дающий благословение)¹. Конкретный жест может выполнять несколько функций сразу, хотя обычно акцентируется одна из них. В свою очередь, репрезентативное использование жестов делится на три базовых функциональных типа: референциальные жесты (изображение конкретной или абстрактной сущности, идеи, отношения, действия и др.); дискурсивные жесты (организуют сопровождаемую речь, подчеркивая какие-то моменты); и перформативные жесты. Первая категория представлена двумя подкатегориями: конкретными референциальными жестами, которые иконически изображают какие-то физические объекты, и абстрактными референциальными жестами, использующими абстрактную идею для выражения физической формы. Эту последнюю классификацию можно проиллюстрировать следующим образом: конкретная референция – рамка картины, абстрактная – рамка теории; конкретная референция – вращение колеса, абстрактная – цикл времени; конкретная референция – пространство позади человека, абстрактная референция – прошлое как находящееся позади. Именно референциальные жесты лучше всего изучены в связи с темой преноэтической схематизации, акцент при этом сделан на абстрактных жестах, поскольку часто они формируются метафорическим путем, так что довольно просто выявить фундирующую их образную схему.

¹ Cienki A. Image Schemas and Gesture. P. 425–429.

К сожалению, материал по этой теме до сих пор не представлен в рамках цельного монографического исследования¹. Однако уже сейчас можно отметить предварительные результаты.

- Образные схемы обеспечивают не только вербальную речь, но и жестикуляцию, и они лежат в основе многих видов метафорических жестов.
- Часто вербальная речь и спонтанная жестикуляция выражают одну и ту же образную схему, но возможны и другие ситуации: жестикуляция выражает независимую схему, жестикуляция дополняет вербальную речь, жестикуляция препятствует выражению некоторых схем в вербальной речи.
- Образные схемы могут быть представлены в жестикуляции как в статическом, так и в динамическом виде.
- Репрезентативные жесты в большей степени склонны отображать образно-схематическую структуру, нежели иные типы жестикуляции.
- Осуществление жестов, соответствующих образным схемам, является более легким, доступным и естественным во время речи, нежели порождение других типов идиосинкратичных жестов, которые обычно сложнее и богаче, т.е. требуют дополнительной когнитивной нагрузки.
- Образно-схематические жесты обладают более мощным коммуникативным потенциалом, т.е. они легче схватываются собеседником и предоставляют более богатый информационный контекст для конструирования ментальной модели. Иными словами, восприятие движения рук способно обогащать моторные симуляции участника коммуникации.

Эти результаты еще требуют уточнения и расширения. Несмотря на то что спонтанные жесты часто являются идиосинкратичными по форме, образные схемы, по-видимому, предоставляют *общие базовые структуры*, которые лежат в их основе. Жесты, с одной стороны, отражают эти структуры, а с другой – дают им новую идиосинкратичную реализацию. Одна из задач будущих исследований – построение

¹ См. аналитические обзоры: Cienki A. Cognitive Linguistics, Gesture Studies, and Multimodal Communication // Cognitive Linguistics. 27 (4). 2016. P. 603–618. Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 267–270, 558–559.

типологии жестикуляции в свете многообразия культур и выявление единых формальных и содержательных паттернов (они же, в свою очередь, должны быть соотнесены с тем, что известно об образных схемах из других наук).

Нейрофизиология

Концепция образных схем рассматривалась на материале нейрофизиологии, хотя здесь трудно говорить о *систематическом* изучении, что объясняется не только зачаточным состоянием нейрофизиологических исследований семантики, но и тем, что четкие нейронные корреляты образных схем, по-видимому, обнаружить просто невозможно. На то имеется несколько причин: во-первых, как показано в нейролингвистических исследованиях последних десятилетий¹, не существует единого семантического центра («semantic hub»), который обрабатывал бы абстрактные языковые значения и был бы отделен от регионов, обрабатывающих сенсомоторную информацию, а значит локализация коррелятов абстрактных языковых структур проблематична; во-вторых, у сложных абстрактных концептов и структур в принципе отсутствуют однозначные нейронные корреляты, поскольку для них характерна распределенная и мультимодальная активация; в-третьих, на нейронном уровне образные схемы в целом, по-видимому, не образуют какую-то единую сеть, поскольку они охватывают очень широкий экспериенциальный материал и связаны с совершенно разными зонами мозга. Тем не менее нейрофизиологические и в особенности нейролингвистические исследования могут быть полезны для прояснения того, с какими зонами связана обработка образных схем с более конкретной семантикой.

Первое направление, в рамках которого исследуется указанный вопрос, – это *симуляционная семантика*. Согласно теории симуляции, значение является имитацией реального опыта, т.е. при осмыслении или воображении чего-либо мы имеем дело с тем же субъективным и психофизическим опытом, что и в реальной ситуации – разница лишь в степени. Это справедливо и для нейронного уровня: при осмыслении или воображении чего-либо активируются те же зоны мозга, что и при действительном восприятии (либо сеть, включающая исконные сенсомоторные зоны и смежные зоны – так называемые конвергент-

¹ См. обзор: Meteyard L. et al. Coming of Age: A Review of Embodiment and the Neuroscience of Semantics // Cortex. 48. 2012. P. 788–804.

ные зоны). В пользу симуляционного подхода к значению говорят сотни экспериментальных исследований – как поведенческого, так и нейрофизиологического плана¹. Но для нас сейчас важно то, что этот подход отчасти объясняет и характер активации абстрактных значений, таких как грамматические значения и метафорические концепты: они тоже предполагают активацию сенсомоторных регионов, хоть и менее интенсивно, чем конкретные значения, что, по-видимому, объясняется их смешанным «перцептивно-индексальным» характером. Образно-схематические паттерны хорошо вписываются в эту модель: как свидетельствуют эксперименты, их активация предполагает соответствующую поведенческую реакцию и возбуждение нейронов в сенсомоторных зонах мозга. Хотя по-прежнему отсутствуют *систематические* исследования, посвященные именно образным схемам, уже по имеющимся материалам можно судить, что характер их активации типичен для абстрактных концептов и структур и что парадигма симуляционной семантики в принципе позволяет изучать этот феномен. Сложность, по-видимому, будет представлять *унифицированное* описание конкретной схемы, поскольку ее мультимодальные реализации могут сильно различаться (и действительно: «положить ручку в ящик» и «раствориться в чьих-либо объятиях» – это два совершенно разных вида опыта).

Второе направление, в котором исследуется проблема нейронных коррелятов образных схем, – это *нейронная теория языка*, разработанная Дж. Лакоффом и его коллегами – Дж. Фелдманом, В. Галлезе, Э. Додж и др.². Эта теория представляет собой одну из радикальных версий симуляционной семантики, поскольку в ней утверждается, что абстрактные концепты (как языковые, так и неязыковые) обрабатываются ровно теми же сенсомоторными зонами мозга, что и конкретные концепты; различие же заключается в характере обработки, степени активации, сложности сетевых структур и наличии активации в близлежащих, вторичных зонах. В рамках указанной модели образные схемы – это варианты абстрактных языковых концептов, которые обрабатываются «функциональными кластерами» нейронов; функциональность в данном случае означает независимость от конкретных

¹ См. подробный анализ: *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 458–509.

² *Feldman J.* From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language. The MIT Press, 2006; *Dodge E., Lakoff G.* Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding // *Hampe B., Grady J. (eds.)* From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin, 2005. P. 57–91.

нейронов и возможность сохранения функций за счет нейропластичности даже при повреждении соответствующих зон мозга. Главная особенность изолированной обработки этих абстрактных концептов состоит в том, что при такой активации сенсомоторных зон блокируется связь между нейронами, кодирующими «структурную» составляющую концепта, и нейронами, отвечающими за его детализацию; в нормальной же ситуации эта связь всегда сохраняется, что позволяет утверждать «абстрактно-конкретный» характер даже внешне чисто перцептивного опыта. Лакофф и его коллеги показали, как эта модель могла бы работать на примере схем, кодирующих путь и манеру движения и различающихся от языка к языку: предположительно, за обработку информации о пути отвечают располагающиеся в гиппокампе нейроны места, а за обработку информации о манере – мозжечковый локомоторный регион и отдельные зоны теменной коры¹. К сожалению, эта теория, несмотря на ее популярность в нейролингвистике и солидную фундированность в эмпирическом материале, все еще нуждается в систематическом подтверждении. Это могло бы быть сделано путем объединения и осмысления имеющихся нейрофизиологических исследований образных схем, которые разбросаны по разным тематическим направлениям (симуляционная семантика, изучение отдельных концептов, таких как ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ и МАНЕРА ДВИЖЕНИЯ, СИСТЕМЫ ОРИЕНТАЦИИ и т. д.) и до сих пор не представлены в рамках целостной теории.

Универсальное и относительное

В данной статье был сделан акцент на универсалистском измерении нашей программы. Образные схемы было предложено рассматривать по следующей модели: общие для языков мира тенденции схематизации + материалы других наук о познании => реконструкция базовых когнитивных операций; при таком подходе язык (не важно, в синхронии или диахронии) служит основным средством доступа к когнитивным процессам. Но возможен и другой взгляд: лингвоспецифичные схематизации + материалы других наук о познании => лингвоспецифичные и культуроспецифичные когнитивные опера-

¹ *Feldman J.* From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language. The MIT Press, 2006; *Dodge E., Lakoff G.* Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding // *Hampe B., Grady J. (eds.)* From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin, 2005. P. 72–84.

ции. Этот путь, ориентированный на подчеркивание *различий*, укоренен в многолетней традиции изучения принципа лингвистической относительности, в традициях лингвистической антропологии и когнитивной антропологии, и он взят за основу в нашей монографии «Язык и познание: введение в пострелятивизм». В действительности, представленные подходы являются частями единой программы и дополняют друг друга: суждения об универсальном и относительном суть взаимозависимые суждения – выделяя общее, мы выделяем его на фоне различий, а выделяя различное, мы выделяем его в размежевании с общим. К сожалению, когнитивные науки, в том числе когнитивная лингвистика, в целом остаются европоцентричными, поэтому утверждения в духе «во всех языках / во всех культурах есть X» по определению должны восприниматься с исследовательским скепсисом. Однако нельзя не отметить, что в последние три десятилетия проделана немалая работа по изучению представителей неевропейских культур и по сближению когнитивной науки с культурной антропологией. Так что уже сейчас можно говорить о ряде важных результатов, углубляющих наше понимание универсального и относительного в познании.

Применительно к образным схемам нужно реконструировать примерно следующую модель. Сама по себе способность к схематизации является универсальной. Она проявляет себя уже на пренатальной стадии развития человека, в результате чего человек рождается с рядом сформированных схем (или, по крайней мере, находящихся в начальном виде): такова СХЕМА ТЕЛА (структурированный набор проприоцептивных «ощущений» в их связи с пространственным окружением), схемы ВЕРХ – НИЗ, ВПЕРЕДИ – СЗАДИ и ВМЕСТИ-ЛИЩЕ. Возможно, какие-то еще схемы входят в этот врожденный набор – требуются дополнительные исследования, чтобы уточнить этот момент. Важно, что уже с рождения пространственные схемы используются не только в непосредственном моторном опыте, но и для оценки окружения, в частности для ориентации в пространстве – эта способность известна как аллоцентрическое кодирование пространственных отношений, и она имеется даже у крыс¹. Врожденные схемы формируют категорию *базовых* схем вместе с набором структур, которые складываются в раннем детстве: ДВИЖЕНИЕ, ОДУШЕВЛЕННОЕ – НЕОДУШЕВЛЕННОЕ, СВЯЗЬ, ПУТЬ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ и др. Предположительно, базовые схемы являются универ-

¹ Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 270–276.

сальными, т.е. их разделяют все представители человеческого вида, что обусловлено, с одной стороны, характером телесной конституции человека, а с другой – универсальными сенсомоторными способами ее развертывания на планете Земля; нельзя также исключить влияние каких-то общечеловеческих культурных факторов.

В более поздний период формируются прочие, более сложные, схемы, такие как СЛЕВА – СПРАВА и набор комплексных систем ориентации (встроенная, абсолютная и относительная), притом траектория и порядок их формирования лингвоспецифичны и культуроспецифичны. Тело, пространство и движение – это три сферы, где складывается большинство базовых схем. Другие области – такие, как действие, агентивность, время, поле коммуникации и пр. – выстраиваются с помощью базовых и комплексных схем. В литературе по когнитивной семантике хорошо показано, что базовые схемы используются для формирования более абстрактных областей и вообще сферы представлений – с помощью таких механизмов, как метафора, метонимия, ментальные пространства и др. Отсюда, конечно, не следует, что абстрактное исчерпывается схематическим – нет, оно включает нечто *большее*, и это большее еще не получило хорошего объяснения в когнитивной науке, в том числе в нейронауке (возможно, мы имеем дело с эмерджентным свойством, которое не выводится напрямую из базовых механизмов). Однако схемы дают абстрактной области структуру, а значит – имманентную *логику*, по которой она затем может развиваться.

Так, например, схема ВПЕРЕДИ – СЗАДИ является универсальной, но характер ее метафорического отображения на область времени допускает вариации: в большинстве языков и культур мы имеем дело с метафорой БУДУЩЕЕ – ВПЕРЕДИ, ПРОШЛОЕ – ПОЗАДИ, а у индейцев аймара (в языке, жестикуляции и культурных представлениях) преобладает метафора ПРОШЛОЕ – ВПЕРЕДИ, БУДУЩЕЕ – ПОЗАДИ; кроме того, в некоторых языках и культурах вообще не допускается структурирование времени в соответствии с пространственными схемами, т.е. его «спатIALIZация» (это свидетельствует о том, что спатIALIZация времени в принципе не является чем-то универсальным)¹. Отталкиваясь от уже структурированной области темпоральных представлений, затем могут выстраиваться научные и философские теории. Философские рассуждения о времени вроде тех, что представлены в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, где осмыс-

¹ Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 310–319.

ление времени пронизано метафорой ВРЕМЯ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ и пространственной структурой ВПЕРЕДИ – СЗАДИ, т.е. имеет место имплицитная спатиализация времени (эксплицитно же, например, в феноменологии В.И. Молчанова), были бы ненормальными и неестественными в вышеупомянутых культурах (и, разумеется, просто не могли там возникнуть). Эта склонность к использованию в определенных сферах одних схем и метафор и игнорированию других не является произвольной, но формируется довольно рано, когда усваиваются язык и культурные практики, и она редко корректируется в течение жизни; язык и культурные практики, в свою очередь, отражают многовековой понятийный багаж, сформированный под воздействием сложной совокупности факторов (от географии до особенностей грамматикализации в языках определенного строя) – багаж не случайный, но ограниченный возможностями концептуализирующей способности человека.

Все это может иметь очень широкие последствия для высокоуровневой интеллектуальной деятельности – философии, логики, математики и вообще науки и искусства (эта проблема отражена в пп. 4.1–4.5 нашей программы). Приведем несколько примеров:

- В работе «Философия во плоти» Лакофф и Джонсон убедительно продемонстрировали зависимость рассуждений целого ряда западных философов от доминирующих в европейской культуре схем и метафор¹.
- В работах Р. Нуньеса (иногда в соавторстве с Лакоффом) показано, что в математике используются многочисленные и подчас взаимоисключающие схемы и метафоры²; к этому можно добавить, что сами представления о числе и способность к точному счету больше 3–4 являются лингвоспецифичными и культуроспецифичными³.
- В ряде работ А.В. Смирнова рассмотрен интересный материал, свидетельствующий о том, что в арабо-мусульманской культуре (от философии до права и искусства) гораздо шире

¹ Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, 1999.

² Núñez R. *Conceptual Metaphor, Human Cognition, and the Nature of Mathematics* // Gibbs R. (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, 2008. P. 339–362.

³ Бородай С. Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 346–356.

используется схема ДЕЙСТВИЕ («действователь – действие – претерпевающее»), чем это имеет место в европейской культуре; в целых направлениях интеллектуальной деятельности она вытесняет схему ВМЕСТИЛИЩЕ, на которой, например, построена аристотелевская логика. Это позволяет говорить об особой «процессуальной» логике, характерной для арабо-мусульманской культуры¹.

Выводы в указанной сфере могут считаться предварительными, но они, как минимум, эвристически ценны и позволяют наметить пути для дальнейших поисков, которые, возможно, когда-нибудь приведут нас к более глубокому пониманию универсального и относительного в человеческом познании. Возьмем в качестве примера время и ментальную каузальность. Мы привыкли считать время «формой протекания процессов» и представлять его четвертым «измерением» пространства (в том числе графически). Но имеющиеся материалы заставляют нас задуматься: почему мы вообще склонны к спатиализации времени и какие возможны альтернативные концептуализации? Проблема «ментальной каузальности» широко обсуждается в философии сознания, и предлагается множество ее «решений». Однако почти не рассмотрен вопрос о самой «каузальности» в онтогенетической и когнитивно-антропологической перспективе, а ведь может оказаться, что высокоуровневый концепт каузальности – это набор взаимоисключающих лингвоспецифичных и культуроспецифичных схем, укорененных в универсальном опыте движения. Философы слишком часто универсализируют собственную *фактичность*, в то время как начинать нужно с ее критики и, если использовать археологическую метафору, со снятия «наслоений» в поисках действительно универсальных оснований знания.

Некоторые исследовательские проблемы

В п. 1.1–1.3 нашей программы обозначены наиболее общие исследовательские проблемы, касающиеся теории преноэтической схематизации. Попытаемся вкратце раскрыть их, чтобы была ясна актуальность указанной темы для философии сознания и ее практическое приложение в виде конкретных исследований в рамках Центра философии сознания и когнитивных наук ИФ РАН.

¹ Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М., 2015.

1. В дальнейшей проработке нуждается сама междисциплинарная теория пренезотических схем. Эта теория затрагивает «низшие» уровни когнитивности и все то, что обычно относится к рубрике «доконцептуального опыта». На данный момент имеется много разнообразного языкового материала, который, к сожалению, еще не получил должного осмысления. Проблема схем хорошо изучена на материале психологии развития, но и там еще рано говорить о всеохватной теории. Схемы также изучались в кинесике, нейрофизиологии, когнитивной антропологии, теории искусственного интеллекта, зоопсихологии; кроме того, они являются частью богатой феноменологической традиции. Весь этот материал требует охвата в рамках интегральной теории, которая объяснила бы когнитивный статус схем и смогла бы ответить на многие другие частные вопросы.

2. Особая тема – это процесс формирования схем в онтогенетической перспективе. Ее разработка потребует вовлечения богатого материала психологии развития. Необходимо проследить, как происходит становление (предположительно) универсальных схем на основе общего биологического фундамента и универсальных стадий онтогенеза: от «схемы тела» и универсальных моторных схем к культуроспецифичным структурам.

3. С предыдущей темой тесно связана проблема лингвоспецифичности и культуроспецифичности схем. Эта проблема потребует интеграции материалов кросскультурной психологии и когнитивной антропологии. Кроме того, для ее разработки важен «экзотичный» языковой материал, демонстрирующий нетривиальные пути схематизации. Здесь можно сосредоточиться как на вопросе формирования культуроспецифичных схем, так и на роли этих схем в конкретной культуре и в сознании носителя определенного языка.

4. Представляет интерес вопрос о значении схем в переходе от «низших» уровней когнитивности к высшим: их роль в структурировании таких концептуальных доменов, как время, действие, каузальность, поле дискурса, грамматика и др. Разумеется, здесь важны и универсальные, и культуроспецифичные аспекты.

5. Особого внимания заслуживает вопрос о роли универсальной и культуроспецифичной схематизации в истории философии. Теория схем способна предоставить хороший инструментарий для продуктивного анализа «движения смысла» в конкретных философских системах (что, впрочем, актуально и для других сфер интеллектуальной деятельности – см. выше).

Заключение

В данной статье на примере преноэтической схематизации было показано, как происходит взаимодействие разных наук о познании в процессе изучения одной из областей когнитивности. Тематика схем допускает рассмотрение с совершенно разных углов зрения: можно искать универсальные аспекты схематизации или сосредоточиться на культуроспецифичных чертах; можно анализировать роль преноэтических схем в концептуализации движения, пространства, времени, коммуникации и др.; можно сосредоточиться на реконструкции схем на основе материалов конкретного языка или обратиться к проблеме нерелексивного использования культуроспецифичных схем в европейской философской традиции и т.д. В рамках нашей программы все эти темы объединяет стремление к профессиональному и междисциплинарному подходу с опорой на язык как на основной способ доступа к когнитивным процессам. Нужно понимать, что, несмотря на несомненную когнитивную реальность всего того, что относится в литературе к рубрике «образных схем», сама концепция «схемы» – это де-факто теоретический конструкт, который используется для *интеграции* материалов феноменологии, лингвистики, психологии развития, кинесики, нейронауки, теории искусственного интеллекта, психопатологии и ряда других дисциплин. Утверждение о «конструктивном» характере схем призвано подчеркнуть ту реальную трудность, с которой мы сталкиваемся при объединении материалов из столь разных областей знания в целостную теорию. Таковая интеграция до сих пор отсутствует не только на уровне *общей* теории преноэтической схематизации, но и в границах отдельных исследовательских направлений. Эта ситуация разобщенности вполне естественна в контексте взрывного роста экспериментальных исследований: если раньше для философов и теоретиков проблема состояла в том, чтобы найти дополнительную эмпирическую поддержку для высказываемой гипотезы хотя бы в виде нескольких экспериментов, то сейчас, напротив, проблематично вообще ознакомиться с имеющимися экспериментами, тем более из совершенно разных областей. И все же это не отменяет необходимости построения *интегральной теории*, на что и нацелена наша программа. Как можно заметить на примере образных схем, эта программа в значительной степени ориентирована на *осмысление* имеющихся экспериментальных материалов, хотя по локальным темам она допускает и чисто эмпирические исследования. Основная труд-

ность в ее реализации, по-видимому, связана с наблюдаемой в научном сообществе профессиональной дезинтеграцией, обусловленной дисциплинарными границами, прочерченными в области познания (в чем-то естественными, а в чем-то искусственными). Задача перед нашей группой – преодолевать эти границы, обращаясь различными способами к тому *протодисциплинарному* уровню, где феномены еще не втиснуты в рамки теоретико-методологических предустановок отдельных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра, ЯСК, 2020.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: ЯСК, 2004.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: ЯСК, 2015.
- Calbris, Geneviève (2011) *Elements of Meaning in Gesture*. John Benjamins, Amsterdam – Philadelphia, 2011.
- Choi, Soonja; Hattrup, Kate (2012) 'Relative Contribution of Perception / Cognition and Language on Spatial Categorization', *Cognitive Science*, 36. pp. 102–129.
- Cienki, Alan (2005) 'Image Schemas and Gesture', Hampe, Beate; Grady, Joseph (eds.) *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, Mouton de Gruyter, Berlin, pp. 421–442.
- Cienki, Alan (2016) 'Cognitive Linguistics, Gesture Studies, and Multimodal Communication', *Cognitive Linguistics*, 27 (4), pp. 603–618.
- Dodge, Ellen; Lakoff, George (2005) 'Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding', Hampe, Beate; Grady, Joseph (eds.) *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, Mouton de Gruyter, Berlin, pp. 57–91.
- Feldman, Jerome (2006) *From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language*. The MIT Press, 2006.
- Goddard, Cliff; Wierzbicka, Anna (2014) *Words and Meanings. Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford University Press, Oxford, 2014.
- Hampe, Beate; Grady, Joseph (eds.) (2005) *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*, Mouton de Gruyter, Berlin.
- Hedblom, Maria (2020) *Image Schemas and Concept Invention. Cognitive, Logical, and Linguistic Investigations*, Springer, Luxembourg.

- Johnson, Mark (1987) *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. University of Chicago Press, Chicago.
- Kuteva, Tania et al. (2019) *World Lexicon of Grammaticalization*. 2nd edition. Cambridge University Press, Cambridge, 2019.
- Lakoff, George; Johnson, Mark (1999) *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. Basic Books, New York.
- Levinson, Stephen (2003) *Space in Language and Cognition*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Levinson, Stephen et al. (2003) 'Natural Concepts in the Spatial Topological Domain – Adpositional Meaning in Crosslinguistic Perspective: An Exercise in Semantic Typology', *Language*, Vol. 79, pp. 485–516.
- Mandler, Jean (2004) *The Foundations of Mind: Origins of Conceptual Thought*, Oxford University Press, Oxford.
- Mandler, Jean; Pagán Cánovas, Cristobal (2014) 'On defining Image Schemas', *Language and Cognition*. 6. 2014. pp. 510–532.
- Meteyard, Lotte et al. (2012) 'Coming of Age: A Review of Embodiment and the Neuroscience of Semantics', *Cortex*, 48. pp. 788–804.
- Núñez, Rafael (2008) 'Conceptual Metaphor, Human Cognition, and the Nature of Mathematics', Gibbs, Raymond (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. pp. 339–362.
- Oakley, Todd (2007) 'Image Schemas', Geeraerts, Dirk; Cuyckens, Hubert (eds.) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 214–235.
- Talmy, Leonard (2000) *Toward a Cognitive Semantics: Vol. I: Concept Structuring System*, MIT Press, Cambridge.